

“ТЫ МОЯ СОВЕСТЬ...”

Прости, что я не добежал
До вражеского дзота,
За сто шагов в прицел попал
Чужого пулемета...

*Игорь Морозов.
Из “афганской” песни*

Весна в тот год на нашей древней великоустюгской земле не была затяжной. Апрельское солнце ласково, но и настойчиво старалось разбудить отдохнувшую после зимней спячки северную природу, однако люди еще поеживались от утреннего холодка. А древняя земля Афгана источала жар, который она вобрала, казалось, не только от пылающего солнца, но и ото всех боев восемьдесят четвертого.

Подразделение, в котором служил Валерий Лаптев, вместе с бойцами афганской армии вело многочасовой неравный бой с превосходящими силами мятежников. Возникла угроза окружения, и решено было отходить. В группу прикрытия Валерий Лаптев шагнул одним из первых. Когда его товарищи покинули опасную зону, он с другими солдатами отражал натиск душманов. Смертоносный свинец попал ему в голову...

Наша земля славна боевыми традициями своих сыновей, таких как Герой Советского Союза Николай Иванович Меркурьев. Валерий не раз бывал у обелиска сельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. А сейчас молодые сельчане приходят на могилу Валерия.

Его имя в Усть-Алексееве знает, наверное, каждый. Помнят его и в школе, где он учился. Я встречался с его учителями, классной руководительницей Н. В. Журавлевой.

– Обычный был парень, – рассказывала мне Нина Васильевна. – К урокам всегда готовился добросовестно. А как книги любил, технику!.. Мы в школе альбом с ребятами оформили о Валере, там хранится его библиотечный формуляр – весь испещрен записями. Интересовался буквально всем: от произведений Конан Дойла до серьезных публика-

ций в журнале “Наука и техника”. Но самое главное – у него стремление учиться было. Радиотехническое училище в Ленинграде закончил с отличием.

– Помню, когда первый раз на каникулы зимой приехал, то к нам в школу зашел, – продолжает Н. В. Журавлева. – Так я его даже сразу и не признала. “Ой, Валера, – говорю, – волосы-то состриг, так сам на себя не похож стал. Только глаза все те же – чуть удивленные и озорные”. А он улыбнулся и ответил, что серьезнее, мол, стал к себе, требовательнее. Повторись, говорит, все сначала, еще раз бы в школе поучился. Да я и не удивилась этому. Уж больно класс у них дружный был, друг за друга все горой стояли...

* * *

С Александрой Андреевной Лаптевой, матерью Валерия, я долго не решался встретиться. Хоть и прошло уже со дня гибели ее сына довольно много времени, но не зарубцевалась страшная рана. Говорят, что время лечит. Но не всегда и не все.

– Для меня Валера всегда живой. Незримо он каждый день с нами.

Валера – второй в нашей семье. Всегда тихий, молчаливый был. Книги очень любил. В шесть лет уже свободно читал. Считаю, до восьмого класса без троек учился. Все что-то мастерил. Радио вот самодельное сделал, электробритвы, утюги чинил. Даже выдавший виды телевизор сам отремонтировал.

Помню, встала как-то ночью, а он не спит – на небо в какую-то трубу смотрит. “Это подзорная труба, – говорит мне. – Смотри, мама, как здорово! Там луна, звезды, там бесконечность...”

Валера рос музыкальным парнем. Умел на баяне, на гитаре играть. В музыкальной школе про него говорили – способный ученик. И все же техника пересилила другие его увлечения. Приехав из училища на каникулы, Валерий сказал своим домашним: “Вот отслужу в армии и обязательно в радиотехнический институт поступлю”.

Но не суждено было сбыться мечте. Он погиб, как герой, спасая жизнь своих товарищей.

Александра Андреевна дрожащими от волнения руками перелистывает альбом с фотографиями Валерия. Вот он вместе с друзьями в летнем лагере труда и отдыха, вот во время занятий в музыкальной школе, вот портрет его, а вот

и снимок, сделанный сослуживцами Валерия в день принятия присяги... Дольше других взгляд А. А. Лалтевой задерживается на этой фотографии. “Валера, Валерочка”, – тихо говорит она сквозь непослушно набегающие соленые слезы. Чем же измерить материнское горе?

Когда подходило время призыва на воинскую службу, на душе у Александры Андреевны было очень беспокойно. Не выдержала тогда, сказала сыну: “Чувствую я, Валера, придется в Афганистане тебе служить, интернациональный долг исполнять”.

“Ну и что, мама? – как-то даже весело ответил он. – Помирать так с музыкой. А если серьезно, если случится такое, то я буду этим гордиться”.

Говорят, что никогда не обманывает материнское сердце. И тут правду сказало. Пророческими оказались и слова сына. Действительно, хоронили его на Усть-Алексеевском кладбище с духовым оркестром. Все село – и стар и млад – пришло отдать последние почести своему земляку. Каждый в тот день оставил там, на кладбище, частичку своего сердца. И это не преувеличение. Так было...

* * *

Валерий очень любил жизнь, близких ему людей. Он любил Родину. В тех десятках писем, что он написал из армии за полгода (пусть они были простые и до предела сжатые), можно найти многое – гордость за свою страну, за свой русский народ, за все то, что понимается под словом Отчизна.

Он никогда не жаловался на тяготы армейских будней: “Ходил в наряд, немного приболел, но это пустяки. Главное, чтобы у вас, мои родные, все было в полном порядке...”; “Со службой у меня нормально. Я вам не писал еще, что по должности гранатометчик. Зверская штука, скажу я вам. Только тяжелая...”

Нет, не думал он, что его жизнь оборвется так скоро, еще, по сути, и не успев по-настоящему начаться. В одном из последних своих писем Валерий писал:

“Здравствуйте, дорогие мама, папа, бабушка и Никулька! Жив-здоров. Недавно у меня был юбилей (небольшой). Четыре месяца службы. А ведь, кажется, совсем недавно меня призвали. Так и два года пролетят, и со мной здесь ничего не случится. Так что не переживайте за меня сильно. Все будет в порядке. Будьте уверены. <... >”

Самая младшая в семье Лаптевых – Нина, сестра Валерия. Еще до службы в армии очень он любил с ней возиться. Да и она отвечала ему самой нежной дружбой, его, Валерия, считала всегда своим первым товарищем. Уже потом, после гибели брата, когда ее принимали в ряды Ленинского комсомола и спросили, на кого бы она хотела походить, Нина взволнованно ответила: “На Валерия Лаптева”. А когда поступила в педагогический институт и поехала на учебу, портрет его взяла. “Теперь мы с ним вместе учиться будем”, – сказала она маме.

Те, кто прошел через Афган, хорошо знают цену настоящей мужской дружбе. Когда Валерия не стало, на имя его родителей из части пришло письмо от комсомольцев подразделения:

“Уважаемые Александра Андреевна и Василий Дмитриевич! Мы целиком разделяем вашу скорбь и горе и испытываем душевную боль от того, что потеряли в этом бою своих товарищей. Валера был хорошим и верным другом, отзывчивым товарищем, чутким к чужой беде, готовым прийти на помощь тому, кто слабее, кто нуждается в поддержке. Мы и командиры уважали его как отличного специалиста своего дела и как человека. Валера до конца выполнил свой долг – долг воина-интернационалиста, прикрывая отход своих товарищей. <...> Память о нем вечно будет жить в наших сердцах. О его подвиге мы будем рассказывать молодым воинам, приходящим служить в наше подразделение...”

* * *

У каждого из нас была первая любовь. Была она и у Валерия. Светлая, чистая, как родник. Он любил хорошую девушку. С ней можно было говорить обо всем. Они встречались у “кривой березы”, и об этом заветном уголке никто кроме них не знал. Валерий в своих письмах часто вспоминал его: “...Это было мое последнее лето перед армией, и оно было самым счастливым, потому что ты была со мной. Повторится ли оно когда-нибудь?! Не знаю. Я думаю, что это будет зависеть от нас обоих. Перед армией я поеду домой. Там я обязательно схожу к нашей кривой березе. Интересно посмотреть, какой она стала...”

Было бы у них в будущем все хорошо? Несомненно. Вот как писала девушка Валерию:

